

Л И Б Р А Р И О Т Е К А

„ОГОНЁК“

Н. Г. ПОМЯЛОВСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

16

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРАВДА“

1949

Николай Герасимович Помяловский Махилов

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169756

*Н.Г. Помяловский «Сочинения», библиотека «Огонек»: Правда; Москва;
1949*

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Герасимович Помяловский Махилов

I

Майское солнце разливало вечерние лучи свои по сводам в кирпичному полу семинарского здания в Ч...ве, а в некоторых углах его уже заметно начинало стемнеться. Все здание было наполнено каким-то странным жужжанием. Не понять, откуда оно выходит: оно как будто ползет и лезет *из* каждой трещины, из каждого отверстия стен и пола коридоров. Эти странные звуки означают, что ч...ские семинаристы сидят за партами и снабжают свои головы познаниями всякого рода и сорта. Ничего не слышно, кроме жужжания; разве только изредка вскрикнет какой-нибудь семинарист – не охотник до долбни и сидячей жизни, да изредка покажется дежурный на длинном коридоре; его шаги звонко раздаются по гладкому кирпичному полу и, раскатившись под сводами, опять замирают мало-помалу; опять глухое, невнятное жужжанье охватывает все *слои семинарской атмосферы*.

Но вот в углу коридора, в богословской занятой шум превращается в говор; говор становится сильнее и креп-

че; начинают прорываться какие-то вскрикивания, и вдруг это кресцендо стремительно возрастает до самого страшного фортиссимо. Что же встревожило или обрадовало ч...ю богословию? Философ ли возмутился, и ему объявляется месть и гонение? Не презренный ли словарь – исчадие мелкой бурсы – оказал словом или делом непочтение аристократу семинарии, и богослов в гнев своем хочет раздавить его, как ничтожнейшую тварь? Или мало дали каши за обедом и еще меньше посулили за ужином, и вот оголодавший богослов идет войной на буфет и поварню? Или товарищ попался за железные двери ч...го карцера, и друзья идут громить их своими кулаками? Нет, не то; философ покорен им; словарь ходит по струнке; каши поели они досыта, и карцер свободен от поста. Вот прислушайтесь к кликам, и вы узнаете, что богословия не бунтуется, а только веселится – торжествует богословия, и торжествует не именины товарища, не кулачную победу в бою с купцами – нет, все не то. Слушайте клики: «Ура, ребята! кути!.. На печку книги!.. Эй, Махиллов, четверть сюда!.. Рекреация, ребята!» Так вот что обрадовало семинарию! Для нее настала рекреация со своим трехнедельным досугом, со своими песнями, весельем и попойками, Благодатная весть быстро обошла вместе с дежурным все классы – и вмиг, будто по одному темпу, все завывало и застонало во всех углах словесности и философии. Теперь на коридоре уже не жужжанье, а как будто стены и своды рушатся друг на друга: так громогласно радуются питомцы бурсы, а

этих питомцев в ней до 900 человек.

Заглянемте в какой-нибудь класс. Пойдем, в богословию, в другие классы неприлично итти нам. Вот огромная комната, в которой помещается высшее отделение.

Тридцать парт,¹ кафедра, вешалка и на ней богословский гардероб, да ведро воды у дверей – составляют всю мебель класса. В комнате плавает дым махорчатого табаку и слышится запах угара... Но посмотрите, что за молодцы семинаристы. Это не то, что петербургский семинарист, которому не съесть каши более полумиски и не выпить пенного более полуштофа. Вот, например, Махилев. Посмотрите, как лихо отхватывает он трепака среди обступивших его товарищей, с поднятой вверх бутылью, в которой плещется, звенит и играет за зеленым стеклом русское пенное. Молодец! Плеча широкие, рост в сажень, и притом красавец, каких мало. Он первый силач семинарский, и многие ч...ие купцы и мещане, бока которых ознакомились с его кулаками, пугают детей своих именем Максима Созонтовича Махилова. Богословы любят на своего товарища-богатыря; они дымят длинными чубуками и частыми вскрикиваниями одобряют и поджигают плясуна.

– Живо, ребята! – крикнул Махилев своим здоровым басом.

– Нахаживай! – подхватил Третинский – друг Махилова и силач не из последних, – и Максим Созонтыч начал выде-

¹ В Ч...ой семинарии класс и занятная – одна и та же комната.

лывать ногами такие удалые вавилоны, что, одушевившись, все пошли вскачь и вприсядку.

Клики и песни смешались вместе, а сквозь клики и песни слышно, как звенят бутылки и стаканы. Везде льется искрометный ром и ходят столбухи пенного вина. Право, глядя на них, поневоле приходит на ум песня:

Вот как жили при Аскольде наши деды и отцы,
Как простую пили воду – мед и крепкое вино...

хотя эту пирушку пировали не далее, как лет за двадцать или пятнадцать.

Песни, пляска и попойка пошли крепче и шире, и через полчаса пирушка дошла до тех пределов, когда подгулявший семинарист все забывает, когда он всем и каждому рассказывает, что ему одному интересно знать, когда он целует и товарищей и стены, – и плачет, и хохочет, и поет почти в одно время.

– Махиллов! действуй! – кричит Третинский. Махиллов опять как вихрь несется по классу, помахивая бутылкой – вечною его спутницей в семинарских пирушках.

– Эй, Махиллов, легче! у меня спина не казенная! – заметил Бедучевич Махиллову, который на всем лету въехал ему в спину бутылкой. Но Махиллов, не обращая на него внимания, опять с гиканьем и притопыванием помчался по классу.

– Экое животное! – ворчал Бедучевич: – Подожди, я тебя

сам ссажу!

Бедучевич соперничал с Махиловым по силе мышц и давно точил на него зубы. Бедучевич, Махиллов, Чикадзе, Зимченко, Клопенко, Третинский и Остенкович – это были такие молодцы, о которых и нынешний курс вспоминает с глубоким уважением, потому что силач составляет гордость ч... ой семинарии. Да, силач там много значит, потому что много значит кулачное право. Есть пословица: не будь пригожа да умен, а будь счастлив, – эта пословица у них выражается несколько иначе: не будь умен, а будь силен, – всегда будешь пьян. Но обратимся к рассказу. Бедучевич ворчал на Махилова и умышлял что-то недоброе, и действительно, когда тот неся мимо него, он подставил ножку. Махиллов налету с размаха ударился своей физиономией и бутылью в стену: физиономия отскочила назад, но бутыль разлетелась вдребезги.

– Это кто? – закричал Махиллов.

– Извини, это я... – отвечал Бедучевич.

– А! ты? сейчас новую четверть!

– Уж не купить ли тебе?

– Одно из двух: либо четверть, либо подставляй спину.

Бедучевич на эту обиду не ответил ни слова, но только искося поглядел на Махилова и хладнокровно и медленно стал засучивать рукава. Он решился драться с Махилловым, наказывать дерзкого обидчика и вырвать из рук его пальму кулачного первенства. Бедучевич никогда не решился бы на это в трезвом виде, но полугар делает еще не то: пример на наших

семинаристах.

– А, так ты хочешь драться?...

Махиллов подошел к Бедучевичу и стал в грозную позицию бойца. Бедучевич съездил Махиллову по физиономии. Махиллов поморщился и отплатил подобною же любезностью, опустив на голову противника свой кулак, от чего тот присел наполовину своего роста. Но и Бедучевич вытерпел удар; он выпрямился и схватил Максима Созонтыча в свои объятия. Завязалась борьба. Пляски и песни прекратились. Все окружили бойцов и даже полупьяные следили каждое их движение с полным вниманием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.